

«ГОСПОДИ, ПОВЕРЬ В НАС...»

О Байкале в рассказах В. Г. Распутина

Очень люблю я прозу Валентина Распутина, люблю ещё с юности. И моя душа полна радостью и гордостью оттого, что самые любимые мной произведения Валентина Григорьевича «Прощание с Матёрой» и «Живи и помни» написаны в моём посёлке. Радостно и потому, что в свои детские годы я нередко видела писателя здесь, на моей малой родине, в порту Байкал. Он жил у нас в течение семи лет, жил, как он сам говорил, летами, а не полными годами, и, уехав отсюда, вспоминал Байкал, свой домик у самой воды и продолжал писать о наших местах.

Много раз перечитывала я рассказ Валентина Распутина «Что передать вороне?», главным героем которого является сам писатель, и каждый раз открывала для себя что-то новое. Рада поделиться впечатлениями и размышлениями от прочитанного. Думаю, что моё эссе кому-то будет интересно уже потому, что действие рассказа, в основном, происходит в нашем посёлке, и мне есть что сказать читателю.

Сюжет рассказа очень прост. У писателя на байкальской даче хорошо пошла работа. И он, боясь растерять вдохновение, едет в Иркутск к семье всего на день, вернее, на часть дня, так как шесть часов ему надо провести в дороге. И, чтобы не передумать вернуться на дачу, он сразу берёт билет на вечерний автобус. Но маленькая дочь очень соскучилась и просит его остаться. Но он всё же уезжает. В пути сразу же начинается невезение. Становится скверно на душе от дорожных неприятностей, но более того — от чувства вины перед дочерью. Добирается до дачи Валентин Распутин только ночью. А утром следующего дня не может взяться за перо. И, потеряв надежду, уходит на природу на весь день и понемногу возвращается в себя. Наутро позвонив домой, узнаёт, что дочь второй день лежит с высокой температурой.

Фото Бориса Дмитриева

Кажется, всё просто. Но какая открывается в рассказе глубина переживаний и как много можно увидеть между строк!

С самого начала повествования понимаешь, что у героя рассказа (не забудем, что он же — автор) были основания поступить так, как он поступил. Во-первых, писательская работа у него долго не ладилась, он как мог себя на неё настраивал, читал, размышлял, мучительно искал нужный голос и вот, наконец, работа пошла. В то время он работал над главной книгой своей жизни — «Прощание с Матёрой» и был близок к завершению повести. Автор знал, что «наши дни во времени не совпадают с днями, отпущенными для дел; время обычно заканчивается раньше, чем мы поспеваем, оставляя нелепо торчащие концы начатого и брошенного...» Дела он имел в виду не всякие, «а лишь те, с которыми соглашается душа, дающая нам, помимо обычной работы, особое задание и спрашивающая с нас по своему счету.» А книга «Прощание с Матёрой», повествующая о затопленных землях Ангары, в том числе, и о родной автору деревне Аталанке, была для него очень важна, а, значит, была делом, с которым «соглашается душа». Уничтожение деревень вместе с их историей, затопление богатой земли, страдания стариков, вынужденных покидать родные места, и другие важные проблемы, от которых сжимается сердце, затрагивает Валентин Григорьевич в повести. Конечно, он хочет быть услышанным и надеется, что книга не оставит читателя равнодушным. Он торопится начать работать над повестью, пока есть настрой, и потому рвётся назад, на байкальскую дачу. И, чтобы не дать себе пути к отступлению (а он ведь тоже очень соскучился по семье!), заезжает на автостанцию за билетом до Листвянки. И вроде бы всё идёт по намеченному плану. Но вот писатель пришёл (а точнее, «забежал») в садик за ребёнком. Он видит, как обрадовалась ему дочь, как она «вся встrepенулась, обмерла», но сдерживает себя (в ней проявляется характер), чтобы не кинуться отцу на шею. Она спешно, часто взглядывая на отца, одевается, и они идут гулять на набережную Ангары. Стоит конец сентября, но погода по-летнему тёплая, умиротворяющая, «располагающая к согласию». Им хорошо вдвоём, дочь не вынимает своей руки из отцовской, что она себе позволяет очень редко, так как в свои пять лет считает себя самостоятельной. Отец видит и чувствует, как соскучилась дочь. От радости она «расщебеталась» и стала расспрашивать отца о вороне, которая жила в их дворе на дереве и которую они называли «нашей».

Вот как говорит Валентин Распутин в рассказе о байкальском доме, дворе, ключике и вороне: «У нас на Байкале была своя ворона. У нас там был свой домик, своя гора, едва ли не отвесно подымающаяся сразу от домика каменной скалой; из скалы бил свой ключик, который журчащим ручейком пробегал только по нашему двору и возле калитки опять уходил под деревянные мостки, под землю и больше уже нигде и ни для кого не показывался. Во дворе у нас стояли свои лиственницы, тополя и берёзы и свой большой черёмуховый куст. На этот куст слетались со всей округи воробьи и синицы, вспархивали с него под нашу водичку, под ключик (трясогузки длинным поклоном вспархивали с забора), который они облюбовали словно бы потому, что он был им под стать, по размеру, по росту и вкусу, и в жаркие дни они плескались в нём без боязни, помня, что после купания под могучей лиственницей, растущей посреди двора, можно покормиться хлебными крошками. Птиц собиралось помногу, с ними смирился даже наш котёнок Тишка, которого я подобрал на рельсах, но мы не могли сказать, что это наши птички. Они прилетали и, поев и попив, опять куда-то улетали. Ворона же была точно наша. Дочь в первый же день, как приехала в начале лета, рассмотрела высоко на лиственнице лохматую шапку её гнёзда. Я до того месяц жил и не замечал. Летаёт и летаёт ворона, каркает, как ей положено, — что с того? Мне и в голову не приходило, что это наша ворона, потому что тут, среди нас, её гнездо и в нём она выводила своих воронят.»

Домик Валентина Распутина в порту Байкал золотой осенью. Фото автора.

Домик Распутина, одиноко стоящий между посёлком и станцией, мне очень хорошо знаком. Множество раз проходила я мимо, смотрела на него, на высокие деревья, растущие возле, смотрела на гору, под которой он стоит, сложенную в этом месте из продольных волнистых холмиков, спускающихся с вершины к Байкалу. Внизу холмики обрываются: это последствия взрывов при строительстве Кругобайкальской железной дороги. И на месте дома когда-то тоже была гора. Взрывы расчистили здесь площадку, куда вошли и две колеи дороги, и дом, впоследствии ставший дачей Распутина. Лес начинается ближе к вершине, и только по ложбинкам деревья спускаются ближе к дороге, ниже леса гора заросла папоротником, багульником, кизильником и таволгой, а в самом низу, у скалистого обрыва, колосятся злаковые травы. Весной вся гора зеленеет молодой травой и распускающимися листочками, розовеет багульником, а осенью вспыхивает таким разноцветьем, что налюбоваться невозможно.

Сначала домик Распутина был одним из обычных домов посёлка, потом стал домом известного писателя, потом домом ушедшего писателя... И всё, что связано с домом, вроде бы ничего ранее не значащее, вдруг обрело смысл, стало важным. Даже то, у кого Валентин Григорьевич его купил. И даже вороны, которые тут летают. Не раз, наверное, видела я среди них ту самую, которую Распутины считали своей. Сейчас птиц на деревьях не вижу, хотя лиственницы хороши и удобны для гнёзд. Но ворон у дома всё же нет. Зато они летают в лесочке наверху.

Ворона, живущая на дереве во дворе Распутиных, стала для их семьи особенной, благодаря ей реальный мир и мир сказки всё более сближались, а сказка так нужна людям, ведь она приглушает боль нелёгкого человеческого жития. Рассказы отца о том, что говорила ему ворона, где она была, что видела и слышала, очень нравились дочери, её глазёнки горели, и волнение ребёнка передавалось отцу.

Во время прогулки по берегу Ангары отец с увлечением рассказывал дочери эти придуманные истории. Дочь в них верила. И всё было хорошо. Но согласие двух родственных душ было недолгим. Отец торопился и сказал девочке, что пора домой. Она, поняла, что счастливые минуты обрываются и попросила: «Давай ещё погуляем».

Отец чувствует, что это не просьба, а мольба, «высказанная сдержанно, с достоинством». «Тут бы мне и дрогнуть», — говорит автор рассказа. Но дочери он сказал, что остаться не может. Потом он будет удивляться самому себе, искать причины, почему не откликнулся на мольбу своего ребёнка и не остался. Много передумав, даёт он объяснение своего поступка тем, что испорчен и угнетён принятыми в жизни правилами.

Начинается разлад с дочерью и самим собой. Дочь, придя домой, забивается в свой уголок, где выказывает безразличие к отцу, отец собирается в дорогу, с участием поглядывая на дочь. Жена догадывается, в чём дело, и бросает спасательный круг: «Можно уехать ранним утром». Герой рассказа находит это разумным, но всё-таки проявляет характер и едет на автостанцию: ведь он так решил, дал себе слово, значит, не нужно менять решение. Уже в дороге, преследуемый неудачами, он осознаёт, что отказался от замечательного вечера в кругу семьи: «И какой бы хороший, тёплый получился вечер, который потом вспоминая да вспоминая во дни нового одиночества, грейся возле него, тревожа и утишая душу, мучайся с отрадой его полной и счастливой завершённости... Этот день на редкость мог остаться законченным, во всех отношениях закрытым и, как зерно, дать начало таким же дням.»

В дороге сразу начинается невезение, усиливающее разлад в душе. «Расхристаный» автобус с поломанной дверью пришёл с опозданием и долго стоял на автостанции. Снова у писателя появилась мысль уйти, но он остался. Автобус, наконец, поехал, но уехал недалеко, шофёр его остановил и пошёл выпрашивать на дороге бензин, чтобы дотянуть до заправки...

В 70-е годы на маршруте Иркутск — Листвянка было немало старых автобусов. И водители любили задерживаться в диспетчерской, а потом спешно проверяли билеты или просто пересчитывали пассажиров и мчались навстречу Байкалу. Иногда сломавшиеся автобусы заменяли снятые с других рейсов, а они были ещё более «расхристанными», ведь байкальские автобусы перевозили не только местных жителей,

Байкальский тракт в 70-е годы. Фото Хельмута Мюнцнера.

но и туристов, а для туристов ставили поновее. Жители порта Байкал старались как можно реже ездить на последнем рейсе, так как ехать на нём было рискованно, он подходил почти к последнему рейсу теплохода «Бабушкин», осуществляющему паромную переправу Листвянка — порт Байкал. Если автобус надолго задерживался, то «Бабушкин» мог его не дожидаться, и уехать в порт больше было не на чем. Да и аварии на этой трассе были нередкими.

Писатель стал волноваться. На этом участке пути было ещё не поздно выйти из автобуса и вернуться домой. Но он едет дальше. И переживает, что едет, что не оставил место в автобусе, показавшееся ему удобным, и пишет, что в тот момент в нём говорило что-то «приобретённое от прежних судорожных попыток выковывать характер». Но неужели характер проявляется лишь тогда, когда надо укрощать свои добрые чувства, да ещё к самым близким людям?.. В автобусе не было света, в сломанную дверь задувало, громко стреляло, когда водитель переключал скорости, и пассажиры для него мало чем отличались от наваленных сзади мешков картошки.

Байкал встретил героя рассказа грозным шумом и гулом. «Бабушкина» не было, а на его месте стоял катерок, который «подпрыгивал у стенки, словно сляясь заскочить наверх». Эта деталь говорит о том, насколько силён был шторм. Парни, команда катера, были сильно пьяны и принимали картошку из автобуса, заваливаясь вместе с мешками. А затем последовали 7 километров пути по бушующему морю с пьяной командой. Валентин Распутин сидел на мешке с картошкой и с горечью думал о том, что жизнь даёт урок ему, а страдают из-за него и другие...

Итак, мы видим два контрастных мира: один до разлада, другой — после. В первом — спокойная Ангара, «умиротворяющая власть вечного движения воды», приветливый народ, тёплая осиянность вечера. Во втором — расхристанный автобус, незадачливый водитель, разъярённый Байкал, катеришка, пьяные парни и риск не добраться живым до порта Байкал. К сожалению, много судов, катеров и лодок, вышедших в штормовое байкальское море, постигла печальная участь. Случались трагедии и с судами порта Байкал.

Но, к счастью, катер доплыл до родного берега. Домой писатель пришёл полночь, совершенно уставший, и сразу лёг спать, обдумывая урок, данный ему дорожными неурядицами. Недовольство другими людьми не так мучительно, как недовольство собой. Борьба с собой, наверное, одна из самых тяжёлых. Бывает, удивляешься себе: неужели это был я, неужели я смог так поступить?..

Иногда Валентину Распутину с утра удавалось себя переламывать, и этому во многом способствовало утреннее чаепитие: «Я люблю эти минуты перед утренним чаем: разгорается печь, начинает посапывать чайник, на краю плиты томится на слабом жару в ожидании кипятка, испуская благодный дух, приготовленная заварка... И вот чай заварен, вот он налит, кружка курится душистым хмельным парком, над горячей, густо коричневой поверхностью низко висит укрывающей, таинственно пошевеливающей плёнкой фиолетовая дымка... Вот наконец первый глоток!.. Как не сравнить тут, что торжественным колокольным ударом прозвучит он в твоём одиноком миру, возвещая полное пришествие нового дня, и, ничем не прерываемый, дозвучит до множественных, как рассыпавшееся эхо, отголосков. И второй глоток, и третий — те же громогласные сигналы общей готовности разморённых за ночь сил.» Чай, да ещё на байкальской воде, обычно давал живительные силы, давал вдохновение. Но и он этим утром не помог.

Промаявшись долгое время, закрывает Валентин Распутин дом и идёт, как сам говорит, куда глаза глядят. А куда могли глядеть его глаза? Конечно же, в сторону убегающей вдаль Кругобайкалки, заповедной дороги, ведущей к чудесам байкальской

Валентин Распутин набирает воду из Байкала. Фото В. Скифа.

природы. И он уходит за посёлок по его любимой, почти заброшенной железной дороге...

И я очень люблю Кругобайкалку, с раннего детства знакомую, исхоженную и изъезженную! Её пейзажи не могут примелькаться, надоест. Даже в одном месте из-за переменчивости моря и неба картины всё время разные. А тут почти 90 километров пути вдоль байкальского берега! И на каждом километре открываются уголки природы, на которые смотреть — не насмотреться! Кругобайкалка — дорога для настоящих романтиков. Если кто ей заболел — это надолго. На байкальские благословенные просторы можно смотреть вечно. И я на них смотрю всю свою жизнь и считаю счастьем жить рядом с Байкалом. Байкал — мой навеки благословенный край, мой суровый рай, моя судьба!

Удивительны, как и сам Байкал, крутые горы — мощнейший и красивейший обег Байкала. На них в изобилии растут травы и цветы, которые весна и лето сплетает в пёстрый переменчивый ковёр. Кругобайкальские горы изобилуют и живописными разрушающимися скалами. Они громоздятся одна выше другой. И те скалистые престолы, что венчают горные вершины, днём тонут в синеве небес, ночью касаются звёзд, а утром первыми розовеют от нежных лучей солнца.

Взрывы у подножия гор при строительстве Кругобайкальской дороги обнажили древнейшие горные породы. А на берегу и в воде, как воплощение вечности, застыли мшистые седые камни. Кажется, вся красота и история Земли отражены здесь.

И, конечно, очень приятно, что Валентин Григорьевич назвал мои родные места «звонкими, радостными и полновидными в любую погоду — и летом, и зимой,

и в солнце, и в ненастье». Его влекла эта дорога, интересовала. Он много на ней бывал, он много о ней читал. И с любовью написал очерк «Кругобайкалка» об истории дороги, о красотах и величии Байкала, о том, что природа и творение рук человеческих слились в единое прекрасное целое.

И на этот раз он идёт вдоль железной дороги за посёлок. Погода выдалась под стать его настроению и состоянию. Ветер дует «застревающий». День опускается всё ниже и плотнее сходится с краёв, замыкается, сжимается. Небеса словно захлопываются. Слева от писателя Байкал, справа горы. Вот он останавливается на косогоре и смотрит на сибирское море. Здесь пологий спуск, словно приглашающий спуститься к воде. Но он выбирает трудный путь в крутую скалистую гору, словно торопливо вставшую во весь рост из страха перед Байкалом. Вот как он пишет об этом: «По голому каменному крутяку, переполюшив каменную мелочь, я выбрался на траву, длинными и белыми космами выбивающуюся из-под редкой ещё и тоже белой земли, и оглянулся. Надо мной кружилось низкое, склонённое широким краем к Байкалу небо — какое-то совсем бесцветное и выгоревшее, для чего-то разом из конца в конец приготовляемое и ещё не готовое. Ветер на высоте был посвежей, но от камней и от земли несло сухим и глубинным, словно тоже для чего-то торопливо отдаваемым теплом. Я пошёл дальше и за следующий переход выбрался на изломанную и узкую длинную поляну, которая прибиралась в сенокос, — сено с неё давно было спущено и увезено, и она в своей сиротливой и праздничной ухоженности лежала как-то уж очень грустно и одиноко. Пожалев её, я сел здесь на камень и стал смотреть вниз.»

Изучая описание местности, я долго пыталась понять, на какую гору взобрался писатель и куда пошёл потом. Но установить это оказалось непросто. Давала почитать описание нескольким односельчанам, и они увидели разные места вблизи посёлка: от полукилометра до двух. Я прошла ближние два километра и очень внимательно

Участок Кругобайкалки за портом Байкал. Фото автора.

осмотрела горы и берег. Но везде что-то не сходилось. В одном месте есть белая земля и «каменная мелочь», недалеко от них «изломанная» поляна, которая в то время действительно была покосом, но нет «каменной крутяка» у основания горы и пологого спуска к берегу, в другом есть поляна, крутяк, спуск, но нет белой земли, в третьем есть белая земля, спуск, крутяк, но нет поляны... После долгих поисков я всё-таки подумала о местах более дальних. Ведь если бы писатель ходил так близко, пусть и перевалил через гору, не очень высокую, и вернулся обратно, он бы не устал так сильно. А в то время он, 39-летний мужчина, отличался неутомимостью в лесных походах за ягодами и хорошо знал многие байкальские горы. И если он пишет, что ходил до позднего вечера и еле держался на ногах, значит, он ушёл дальше.

Вспомнилось эссе Распутина «Байкал предо мною», в котором он тоже рассказывает о любимых осенних прогулках по Кругобайкалке в 70-е годы. Вот как поэтически он говорит об этом: «... Часто выпадает в октябре такая тишь и гладь да божья благодать, такая печально-счастливая истома овладевает и хлябью, и твердью, что ты готов обратиться хоть в камень, но быть, быть в её замирающем дыхании. Я любил всё ещё тёплыми и мягкими, подарочными вечерами, провожая солнце, уходить по рельсам старой Кругобайкальской дороги далеко, туда, где нет ни одной человеческой души, подолгу сидеть на берегу, совершенно забывая себя, а потом подняться в гору да повыше, и там тоже замереть в блаженстве, ничего-ничего на свете больше не желая, кроме как надыхиваться и насматриваться хоть до бесконечности расстилающейся внизу благодатью.»

Раз Валентин Распутин, лёгкий на подъём человек, говорит «далеко», то это действительно далеко. Да и в километре-двух за посёлком часто гуляют люди, проезжают мотоциклисты и велосипедисты, ходят рыбаки. А чтобы не встретилось ни одной души, надо уйти подальше.

Слово «далеко» прозвучало и в рассказе «Что передать вороне?». Насколько далеко он ушёл в тот раз, когда увидел в водах Байкала древний город, о чём рассказал в эссе «Байкал предо мною», могу предположить, тем более, что в тексте есть координаты: «Портал правого, дальнего тоннеля в сторожевом окружении деревьев был тёмным, а в левый, развёрнутый полукружьем зева к луне, маслянистый свет заглядывал недалеко и внутрь, показывая выкатывающийся из мрака рельсовый путь. Меня тянуло сюда, на скалистую гору между двумя тоннелями, таинственно украшавшими этот мыс, как входные и выходные ворота, дающие дорогу не только для поездов, но и для согласия между человеком и природой.» Ближайшие от порта Байкал два тоннеля находятся на мысе на 82-м километре Кругобайкалки, то есть в 8 км от посёлка! И горы там очень крутые, в большинстве скалистые, с размахом открывающие Байкал во всей красе редким смельчакам, решающим на них забраться. И если Валентин Григорьевич говорит, что его тянуло на эту гору, то наверняка он бывал здесь не однажды. Если увидеть эту гору воочию, то станет ясно, что Валентин Распутин забирался на такие высоты, на какие даже снизу смотреть — голова закружится.

Скорее всего, в рассказе «Что передать вороне?» речь идёт о более ближних к посёлку горах, так как на мысе Бакланьем, где находятся два первых тоннеля, нет и не было покосов. А немного ближе к посёлку в то время покосы были. Горы здесь очень крутые, высокие, живописно украшенные остатками древних скал, и мало на них высокой растительности, которая закрывала бы от взора Байкал. И можно было бы допустить, что Валентин Распутин был на этих горах, если бы в том месте были перевал и ручей, о которых он пишет в рассказе.

Так и не найдя ответа на вопрос, где же точно ходил писатель, я дала почитать описание пути местному жителю Шафигуллину Ринату, исходившему наши горы вдоль

и поперёк, и он сказал мне, что Валентин Распутин поднялся по пади Марьяновка, а спустился по пади Зобушка, что находятся в трёх-четырёх километрах от порта Байкал. И в том, что он был именно там, Ринат нисколько не сомневается. Во-первых, в этом месте есть единственный перевал, есть и ручьи, есть и покосы, есть крутой подъём, там никого, кроме зверья, не встретишь, и с гор открываются чудесные виды Байкала.

Когда я искала те места, что описываются в рассказе, то пади я не рассматривала, ведь они уводят от Байкала. Но после слов Рината подумала, что, скорее всего, так и было. Ведь, чем дальше писатель уходил от Байкала, тем выше он взбирался, и тем больше открывалось перед ним озеро-море.

Устав от нелёгкого подъёма, писатель останавливается отдохнуть и любуется Байкалом, а затем идёт дальше и попадает на узкую неровную поляну, с которой вывезено сено, и она видится ему изломанной, грустной, сиротливой и опустевшей. Он садится на камень и смотрит вниз, на любимый Байкал.

Вспоминаются строки из эссе «Байкал предо мною: «Рядом с Байкалом нам есть куда расти, что воспитывать в себе и обласкивать. На то и чудо, на то и неизъяснимое великолепие сокровища, чтобы от него, как от незакатного солнца, получать тепло и радость, ощущать приток окрыляющего духа и детского чувственного возбуждения.»

И, конечно, «приток окрыляющего духа» ощущается, когда смотришь на открывшийся перед тобой Байкал. Валентину Распутину кажется, что небо кружится, опускается, на высоте его уже нет, оно всё стянулось к Байкалу и встало над ним. А затем и вода, «подчиняясь небу, начала движение медленными и правильными, не выплёскиваясь на берег, кругами, будто кто-то, как в чане, размешал её и оставил затихать». В этом космически-огромном чане смешалось всё: глубина и высота, человек и природа, реальность и запределье. Небо и море закружили героя, и в этом вращении был большой смысл: байкальская природа помогала герою найти самого себя.

Дорогу к себе найти трудно. И природа, детьми которой мы являемся, помогает нам её отыскать. «Быть может, между человеком и Богом стоит природа. И пока не

Вид с горы на Байкал. Фото Р. Шафигуллина.

соединишься с нею, не двинешься дальше. Она не пустит» — говорил Валентин Григорьевич. Потерял себя — надо идти к родной природе, прислушаться к её голосам. Летом она раскрутит тебя водоворотами, зимой — снежными вихрями, а затем всё расставит по местам, и снова будешь жить в ладу с собой. Природа поможет и взрослому, и ребёнку. Будет Вожатым, как в «Капитанской дочке», и поставит на дорогу, с которой надо постараться впредь не сбиваться. Или поможет найти близкого человека. Так было в «Метели» Пушкина. Или предупредит об опасности, как об этом сказано в «Кладовой солнца» Пришвина. И тем более, поможет человеку Байкал — кладовая многих богатств: и солнца, и пресной воды, и редких красот, и удивительных чудес... Байкал прекрасен и несказанно богат, и Валентин Распутин называл его Господней мерой щедрот.

Герой, предавшись кружению, чувствует приятную освобождённую от мучившей его тяжести, он «точно приподнялся и расправился в себе». Он смотрит на воду и небо, и у него возникают вопросы, среди которых главный, наверное, вот этот: «Где, в каком из этих равных просторов сознание, ведающее простую из простых, но недоступную нам тайну мира, в котором мы остановились?» И тут же говорит, что есть вопросы, на которые не только нельзя ответить, но и которые нельзя задавать. «Знай сверчок свой шесток...»

В этом благостном месте герою становится «всё покойней». Он чувствует, что соединился «с единым для всего чувствовалищем». И уже не видит ни земли, ни неба, а только приоткрывшуюся незримую дорогу, по которой проносятся голоса и по которой предстоит когда-то помчаться и ему. В голосах до приближения к герою слышится согласие, а после него почти ропот. Но по мере того, как ему становится легче, голоса затихают...

Домой он возвращается затемно, очень уставший. Пьёт живительную воду из своего ключика, «окончательно возвращаясь в себя». И долго сидит во дворе на чурбане, «замерев от усталости и какой-то особенной душевной наполненности» и слушает доносимые ключиком «обессловленные голоса» умерших друзей, пытающихся что-то ему сказать...

А ночью он пробудился от стука дождя по крыше, и услышал, как громко и требовательно каркает ворона. От крика вороны он проснулся утром и, предчувствуя, что дома что-то случилось, идёт в диспетчерскую порта. А позвонив домой, узнаёт, что дочь со вчерашнего вечера лежит с высокой температурой. Ещё слабый организм пятилетней дочери, которая уже вырабатывает характер, учится сдерживать свои чувства, но не может побороть целую бурю чувств, от большой радости до горя, и не выдерживает — начинается болезнь.

Урок, полученный дорогой ценой, пошёл автору на пользу, о чём говорит тот факт, что вскоре Валентин Распутин закончил повесть «Прощание с Матёрой». И только через пять лет появится рассказ «Что передать вороне?», значит, этот случай Валентин Григорьевич забыть не мог.

В рассказе дана история, встречающаяся часто и повсеместно. Многие люди не обращают на такие вещи внимания: подумаешь, уехал, так мне же надо было, а ребёнок подождёт, пока я закончу дела, ему не привыкать! И в наше быстрое время дети почти не видят родителей, не общаются с ними, всё дальше они друг от друга, всё слабее семейные узы. Всё меньше интересуются люди своими корнями. Забывают и ушедших в иной мир друзей. А ведь и предки, и ушедшие друзья рядом с нами, их голоса сливаются с природой, и надо учиться их слышать. Мы загоняем себя в рамки, учимся жить по плану, быть серьёзными и деловыми, и всё дальше отходим от «общего

чувствительности души ведёт к вырождению человека, да и всего человечества.

Валентин Григорьевич просит: «Господи, поверь в нас: мы одиноки.» И одинок человек, наверное, не тогда, когда находится один (иногда одиночество необходимо, особенно писателю), а когда в его душе нет согласия с самим собой, с семьёй, с миром, с Богом. Мы одиноки среди множества людей. Мы захлопнули свои души для других, даже для самых близких. Мы разучились слышать и понимать друг друга. В эссе «Байкал предо мною» Распутин выразил сожаление, что мы «потеряли естественный, родной нам мир и вступили в иной мир, выталкивающий человека ещё дальше, в полукосмическую виртуальность.» Человек переделывает Землю, опустошает природу, и, как следствие, опустошает свою душу. Понимая трагизм происходящего, Распутин писал: «...Я ищу необитаемый остров, где можно было бы от него, от этого деланного и безобразного мира, спастись. Где-то на Байкале такой остров должен быть...»

Байкал для Валентина Григорьевича много значил. Писатель говорил, что Байкал существует не сам по себе, а «многими чувствительными капиллярами связан он со всем огромным миром, видимым и невидимым...» И мы, люди, тоже десятки тысячелетий связаны «чувствительными капиллярами» со своей родной землёй, вскормившей нас. И дороже родины у нас ничего нет. Только эти кровные связи с родиной мы всё больше утрачиваем...

Хочется надеяться, что одумаемся. Обратимся к мудрым книгам. Откроем души для людей, для природы. И тогда никто не будет посягать на Байкал в поисках прибыли. И славное озеро-море, за которое боролся Валентин Григорьевич, будет жить и радовать нас девственной природой, первозданной чистотой, которую оно хранит десятки миллионов лет. А людские души будут становиться полнее и чище от общения с Байкалом — любимым сокровищем нашей Матери-природы.

